

ЗАПИСКИ

ОБЪ АВАРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА КАВКАЗЪ

1837 ГОДА

№ 14.

ЗАПИСКИ
ОБЪ АВАРСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ
НА КАВКАЗѢ

1837 ГОДА

СОЧИНЕНІЕ

ЯКОВА КОСТЕНЕЦКАГО

—
ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ
—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАНА

1851

DK
511
C3
K86

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, декабря 20-го дня 1850 года.

Цензоръ А. Крыловъ.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Стран.

Географическій очеркъ Дагестана. — Главнѣйшія племена, населяющія его. — Цѣль Аварской экспедиціи. — Казн-мулла. — Сента миридовъ. — Военныя дѣйствія Казн-муллы. — Смерть Казн-муллы. — Тамзатъ-бекъ. — Краткій взглядъ на исторію Аварин. — Взятіе Хунзаха Гамзатъ-бекомъ и злодѣйское истребленіе племени аварскихъ хановъ. — Убіеніе Гамзатъ-бека. — Экспедиція подполковника Кюге-фонъ-Кюгенау. — Шамилъ — новый предводитель миридовъ. — Очеркъ крѣпости Темирханъ-Шура. — Топки передъ экспедиціей. — Мысль вести походныя записки. — Начало похода и записокъ. — I. Лагерь при деревнѣ Джеугутай, 8 мая. — Число отряда и обозъ нашъ. — Очеркъ Дагестанскаго хребта. — Походный видъ кавказскаго солдата. — Маленькое приключеніе. — Видъ дагестанскихъ деревень, дворцовъ и саклей. — Сады. — 11 мая, лагерь надъ рѣчкой Урумъ. — Жители Джеугутая. — Деревня Кака-Шура. — Устройство водяныхъ мельницъ. — Исторія поручика В**. — Видъ съ горы на нижній Дагестанъ. — Простодушіе лезгиновъ. — Мѣлныя и серебряныя деньги. — 12 мая, лагерь близъ деревни Лаваши. — Лезгинскія сакли. — Акушинское общество. — Начало трудностей похода. — Хаджалмакинское ущелье. — Горская цасъка. — Лезгинны. — Искусственные сады. — Деревня Хаджалмаки. — Разговоръ съ лезгиномъ и замѣтка о лезгиняхъ. — Водопадъ. — Новыя трудности — Деревня Копали. 1

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Лагерь на рѣкѣ Кара-койсу, мая 19. — Салтинская трещина. — Лагерь близъ Аварскаго койсу, 23 мая. — Столѣтняя пара. — Трудности похода. — Деревня Готцатль, мая 26. — Картины природы. — Облака. — Я поймалъ лисицу. — Лагерь близъ Хунзаха. — Мѣстность. — Дворецъ аварскихъ хановъ. — Мы располагаемся лагеремъ. — Аварцы и пріемъ, который они

намъ сдѣлали. — Тити, дочь ханскаго кузнецъ. — Мы устраиваемъ цита-
дель. — 8 июня. Лагерь близъ деревни Бетлитль. — 17 июня. Лагерь надъ
Анлійскимъ койсу, противъ деревни Чиркатъ. — Деревня Ашальта. —
Вторженіе въ деревню. — Битва въ саклахъ. — Взятіе Ашальты. — Смерть
подполковника Шиятнникова. — Участь кавказскихъ дамъ. — Разказы по-
слѣ битвы. — Потеря наша и непріятельская. — Устройство деревянныхъ
горскихъ мостовъ. — Деревня Гимри. — Первая пуля. — Осада Ахульго
и другія военныя дѣйствія 37

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

29 июня. Лагерь въ Карадахскомъ ущельи. — Непрístupныя скалы бѣгле-
цовъ. — Лагерь при деревнѣ Телитль. — Осада Телитля. — Ночь передъ
штурмомъ. — Общій штурмъ. — Опасное положеніе VI Егерской роты,
перестрѣлка и счастливое избавленіе. — Переговоры съ Шамилемъ. — Ка-
питанъ Колодка. — Перемиріе. — Шамиль клянется въ покорности рус-
скимъ. — Нѣсколько мыслей касательно образа велепія войны на Кавказѣ.
— Участь двухъ друзей, Ельмаза и Гривова. — Развязка романической
исторіи поручика В". — Похороны въ Хунзахѣ. — Транспортъ съ суха-
рями. — Аккуратность лезгинъ. — Разсказъ солдата, бывшаго въ плѣну
въ 1831 году. — Деревня Зарани и Арганы. — Мы дѣлаемъ дорогу близъ
Бурундукъ-пале. — Лагерь на горѣ Арахтау. — Картины природы — Де-
ревня Орада. — Старый замокъ. — Плоды экспедиціи. — Покорность Ка-
раты и окрестныхъ деревень. — Общая радость. — Прибытіе въ Темир-
хавъ-штуру. — Заключеніе 89

ЗАПИСКИ
ОБЪ АВАРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА КАВКАЗЪ
1837 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Да простятъ мнѣ мои читатели, если я, предполагая въ нихъ самыя малыя свѣдѣнія о Кавказѣ, начну мои записки съ географическаго описанія той страны, на которую я намѣренъ обратить ихъ вниманіе.

Сценой военныхъ дѣйствій экспедиціи 1837 года, получившей названіе *Аварской Экспедиціи*, былъ Дагестанъ. Надобно имѣть предъ глазами специальную карту Кавказа, чтобы составить себѣ понятіе о Дагестанѣ; но и на картѣ вы не найдете яркой красочной полоски, которая бы рѣзко отгѣняла его отъ другихъ земель. Это монгольское названіе, значащее въ переводѣ *гористая страна*, безъ сомнѣнія, дано было татарами, пришедшими на западный берегъ Каспійскаго моря, неопредѣленно землѣ, предъ глазами ихъ лежащей и

1

установленной безчисленными горами; мы же распространили это название почти на всю восточную, при-каспійскую часть Кавказа.

Не имѣя возможности приложить здѣсь карту экспедиціи, я долженъ обратиться къ описанію географическаго положенія страны; и поэтому, чтобы представить себѣ Дагестанъ, я попрошу читателя вообразить обширный треугольникъ земли, котораго основаніемъ будетъ Каспійское море. Одну, сѣверную и почти перпендикулярную къ основанію, сторону составляетъ рѣка Сулакъ, а другую, самую неопредѣленную и разнообразно искривленную — вершины горнаго хребта, который, протягиваясь отъ Сулака къ морю, утопаетъ въ немъ южнѣе города Кубы. Площадь этого треугольника русское правительство на Кавказѣ называло сначала собственно Дагестаномъ и раздѣляло его на южный, отъ Кубы до Дербента, и сѣверный, отъ Дербента до рѣки Сулака. Очень недавно еще появилось названіе *Нагорный Дагестанъ* или *Лезгистанъ*, которое дали странѣ, лежащей отъ моря по ту сторону хребта и населенной лезгинами. Хребетъ этотъ есть отрасль, или, правильнѣе сказать, уступъ главнаго Кавказскаго хребта, который, какъ видно на каждой картѣ, направляясь отъ Чернаго моря къ востоку, поворачивается потомъ къ юго-востоку и идетъ такимъ образомъ подъ острымъ угломъ къ Каспійскому морю. Этотъ хребетъ не имѣетъ здѣсь никакого общаго названія, и потому для ясности я буду называть его Дагестанскимъ хребтомъ. Онъ скатывается къ морю нѣсколькими вѣтвями, которыя, то углубляясь, то возвышаясь, то сходясь между собою, образуютъ самую прекраснѣйшую на всемъ Кавказѣ страну.

Нагорный Дагестанъ, который по преимуществу составляетъ сцену описываемой экспедиціи, занимая, какъ я уже сказалъ, страну по ту сторону Дагестанскаго хребта, заключаетъ въ себѣ между другими частичками земель Аварію—страну, играющую первую роль въ этой экспедиціи. Теперь, читатели, я увѣренъ, что вы уже имѣете нѣкоторое понятіе о географическомъ положеніи Аваріи; вы уже воображаете ее за Дагестанскимъ хребтомъ,—и вы отгадали; только я прибавлю, что не за хребтомъ, а на самомъ хребтѣ, потому что хребетъ этотъ не какой нибудь валъ, а огромная, возвышенная масса земли, толщиною, можетъ быть, въ нѣсколько десятковъ верстъ. Но чтобы вы не глядя на карту еще яснѣе узнали, какую именно часть хребта занимаетъ Аварія, то слѣдуйте только мыслію за мной, а если угодно, возьмите хоть и карандашъ. На Кавказскомъ хребтѣ, на самомъ его наломѣ, гдѣ онъ склоняется къ юго-востоку, есть одна высокая гора, изъ боковъ которой вытекають, почти параллельно, два бурные потока, двѣ рѣки, называемыя нами и татарами. Аварскимъ

и Андійскимъ Койсу⁽¹⁾, которыя потомъ, сливаясь вмѣстѣ и общими исполнскими силами прорѣзывая Дагестанскій хребетъ, составляютъ уже известную намъ рѣку Сулакъ. Въ этомъ-то пространствѣ между двумя Койсу возвышается Аварія, занимавшая прежде большую часть поверхности и боковъ этой возвышенности, а теперь уступившая часть своего мѣста другимъ названіямъ. Вотъ вамъ, читатели, теперь, какъ мнѣ кажется, довольно ясное описаніе тѣхъ странъ, о положеніи которыхъ вы непременно должны имѣть понятіе, если хотите читать мои, или даже чьи либо записки о нашихъ кавказскихъ экспедиціяхъ, которыхъ большая часть производилась на этомъ до сихъ поръ еще малозвѣстномъ пространствѣ.

Дагестанъ населяютъ два главные племена: татары и лезгины или, какъ они себя называютъ, таулинцы⁽²⁾. Не входя въ археологическія изслѣдованія объ этихъ народахъ, буду говорить только объ ихъ настоящемъ состояніи. Татары занимаютъ прибрежную часть Дагестана, лезгины — гористую. Лезгины, старѣйшіе обитатели Дагестана, въ древности, вѣроятно, жили и на побережьи, но потомъ татарами были оттѣснены въ горы, за которыми они хотя частію и укрылись отъ порабоженія побѣдителей, но эти храбрые и болѣе многочисленные пришельцы проникали въ самыя неприступныя ихъ убѣжища и оставили тамъ еще доселѣ неизглаженные слѣды своего владычества.

Татары управляются ханами, изъ которыхъ въ сѣверномъ Дагестанѣ значительнѣйшіе шамхалъ тарковскій и ханъ мехтулинскій. Лезгины не имѣютъ ни хановъ, ни князей, а живутъ патріархальными обществами, управляемыми старѣйшинами, которыхъ власть, самая впрочемъ ограниченная, только и обнаруживается нѣсколько во время общихъ внѣшнихъ предпріятій; во внутреннемъ же управленіи они почти не имѣютъ никакого права. Гражданскія дѣла, то есть споры о собственности, у нихъ рѣшаются кадіями, или судьями, избираемыми каждымъ обществомъ; а уголовныя, то есть обиды личныя, рѣшаются у нихъ каждымъ *собственноручно* на основаніи эдета⁽³⁾ кровомщенія (канлы). Важнѣйшія изъ лезгинскихъ обществъ: койсубулинское, акушинское, андалайское, судахаринское, андійское,

(1) Койсу по татарски значитъ баранья вода; Сулакъ — сладкая или молочная вода. Татары называютъ всѣ четыре рѣки Лезгистана Койсу, придавая для различія названія Аварскій, Андійскій Койсу и прочее, которыя, однакожъ, у лезгинъ имѣютъ особое названіе.

(2) Таулу — значитъ горецъ.

(3) Эдетъ — обычай.

гумбетовское, салатавское и множество другихъ. Эти общества представляютъ собою едва ли не первую еще степень политическаго устройства народовъ. Но между этими обществами, какъ памятникъ татарскаго въ горахъ владычества, является *ханство* Аварское. Я говорю: «какъ памятникъ татарскаго владычества», по нѣкоторымъ моимъ свѣдѣніямъ; но, можетъ быть, это есть памятникъ и какого нибудь другого событія. Это явленіе чрезвычайно достопримѣчательно для историка и стоитъ того, чтобы кто нибудь изъ археологовъ обратилъ на него особое вниманіе, тѣмъ болѣе, что народное преданіе выводитъ происхожденіе аварскихъ хановъ отъ рыцарей крестовыхъ походовъ, которыхъ пребываніе въ этихъ горахъ подтверждается очень многими памятниками, на которые я укажу впоследствии.

Чтобы означить цѣль Аварской экспедиціи, или изложить причины, заставившія предпринять ее, надо имѣть понятіе о тогдашнихъ обстоятельствахъ горцевъ. Слыхали вы что нибудь о кавказскомъ возмутителѣ Кази-муллѣ? вѣроятно, очень мало, или по крайней мѣрѣ не столько, какъ стоять его шумные подвиги, которые, безъ всякаго сомнѣнія, глубоко бы врезались въ вашей памяти, если бы въ то же время, какъ они происходили, вниманіе ваше не было увлечено гораздо ближайшими событіями — военными нашими дѣлами въ Польшѣ. Это обстоятельство было причиною, что Кази-мулла остался едва замѣченъ нами, хотя онъ явился не какъ метеоръ, рассыпающійся погасающими искрами: Кази-мулла былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые увлекаютъ умы народа не на одно только мгновеніе, а посѣваютъ въ нихъ понятія и правила, поддерживающія волненіе и послѣ смерти внушителя. Эти понятія, возбужденныя Кази-муллою въ дагестанскомъ народѣ, до сихъ поръ служатъ еще причиною возмущеній грубаго племени, которое нелегко мѣняетъ свои мнѣнія. Кази-мулла былъ религіозный возмутитель. Зная, какъ всѣ предшествовавшіе ему возмутители мало имѣли вліянія на своихъ сподвижниковъ, дѣйствуя только одними пружинами народнаго легкомыслія, онъ употребилъ въ дѣло самую сильнѣйшую пружину дѣйствій человеческихъ — религію, и, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи не слабую, на короткое только время собирающуюся толпу, а какую нибудь сильную и постоянную массу сподвижниковъ, онъ основалъ въ Дагестанѣ секту такъ называемыхъ *муридовъ*, и объявилъ себя начальникомъ ея — *имамомъ*. Духомъ этой секты была магометанская вѣра, а правилами: не щадить ни имущества, ни живота своего на уничтоженіе вкравшихся въ религію измѣненій и на истребленіе всѣхъ невѣрныхъ, разумѣется преимущественно христіанъ, а изъ христіанъ — рус-

скихъ. Фанатизмъ скоро привлекъ къ нему множество послѣдователей; но Кази-мулла, намѣревавшійся посредствомъ ихъ дѣйствовать уже на остальную массу народа, былъ строгъ въ выборѣ и принималъ только людей отважныхъ и ученыхъ. Каждый мюридъ долженъ былъ знать грамоту и читать алкоранъ, не пить вина, не курить табаку, быть всегда готовымъ на бой, по требованію своего учителя или начальника секты, и для отличія себя отъ другихъ носить бѣлую чалму или повязку поверхъ своей шапки — папаха.

Имѣя болѣе тысячи такихъ отважныхъ и, по своему, даже ученыхъ мюридовъ, Кази-мулла началъ возбуждать горцевъ къ возстанію противу урусовъ, какъ они насъ называютъ. Несмотря на безпрестанныя свои неудачи, на понятное и для нихъ преимущество русскаго оружія, они всегда готовы собраться къ битвѣ по первому призыву и хотя напередъ увѣрены, что ихъ разобьютъ, но страсть къ войнѣ и грабежу, всегда господствующая у праздныхъ народовъ, преодолеваетъ предположенія опасности. Зато толпы эти еще скорѣе разсѣваются, нежели собираются. Не только разгоняетъ ихъ какаянибудь неудача, но чаще всего недостатокъ чурекъ (хлѣбовъ) заставляетъ ихъ какъ можно скорѣе убираться въ свои сакли. Кази-мулла понималъ, что съ такимъ войскомъ немного онъ надѣлаетъ подвиговъ, и потому старался хотя скольконибудь связать порядкомъ эти безпорядочныя толпы. Онъ далъ имъ хорошихъ начальниковъ и взялъ на себя обязанность заботиться объ ихъ продовольствіи; такимъ образомъ, одушевивъ эти разноплеменные полчища религіознымъ фанатизмомъ, онъ дѣйствительно отчасти достигъ своей цѣли. У него бывало въ сборѣ до двадцати тысячъ народу, который по мѣсяцу и болѣе находился въ полѣ. Онъ сдѣлалъ набѣгъ на Кизляръ, производилъ вторженія въ земли шамхала тарковского и многихъ татарскихъ князей и осмѣливался подступать подъ наши сильныя крѣпости Внезапную, Бурную и г. Дербентъ. И каковажь была храбрость нашихъ тогда очень малочисленныхъ войскъ, которыя не только оборонились отъ такого сильнаго врага, но разбили его совершенно, усмирили возмущившіяся племена, покорили новыя и положили всему конецъ убіеніемъ самого Кази-муллы! Этотъ фанатикъ погибъ на порогѣ родного своего аула Гимровъ, въ тѣсномъ ущельѣ, въ которомъ онъ, заградившись каменною стѣною и завалами, рѣшился защищаться до послѣдней капли крови. Это происходило въ 1832 году, въ то самое время, когда побѣдоносныя наши войска дѣйствовали на западъ противъ другихъ возмутителей....

Кази-мулла погибъ; но секта его не уничтожилась, и едва, какъ говорится, исчезъ военный дымъ съ полей Дагестана, какъ она опять

стала мало по малу распространяться и настраивать умы къ новымъ возмущеніямъ. Послѣ Кази-муллы начальникомъ секты или имамомъ сдѣлался Гамзатъ-бекъ, одинъ изъ первыхъ его учениковъ и сподвижниковъ. Чтобы лучше понять дѣйствія этого преемника Кази-муллы надобно нѣчто сказать объ Аваріи.

Аварія была вѣкогда самымъ сильнѣйшимъ въ горахъ Лезгистана обществомъ — ханствомъ. Она не только владѣла многими, теперь уже отъ нея независимыми обществами, но была почти единственною повелительницею въ этой части горъ, и хановъ ея трепетали всѣ сосѣди. Во второй половинѣ XVIII столѣтія ея воинственный Омаръ-ханъ заставилъ платить себѣ дань грузинскаго царя Ираклія II, хановъ дербентскаго, кубинскаго, бакинскаго, ширванскаго, шекинскаго и пашу ахалцыхскаго, за то только, чтобы не опустошать ихъ владѣній. Хотя еще въ 1727 году бывшій тогда ханъ Аваріи, во время нашей экспедиціи въ сѣверномъ Дагестанѣ, явился въ нашъ лагерь и далъ присягу въ вѣрности, — но когда въ 1799 году генералъ Лазаревъ прибылъ съ однимъ только полкомъ въ Тифлисъ, Омаръ-ханъ двинулся къ Сигнаху противъ него съ войскомъ, но былъ разбитъ на голову. Въ 1803 году, преемникъ его Ахметъ-ханъ аварскій присягнулъ въ вѣрноподданствѣ Россіи, но въ 1821 году нарушилъ присягу, вооружился противъ насъ и былъ разбитъ генераломъ Вельяминовымъ при Аймакахъ. По смерти его, правительницею или ханшею Аваріи сдѣлалась жена его Паху-бике, которая въ 1822 году признала себя данницею Россіи и съ тѣхъ поръ ненарушимо сохраняла самыя дружественныя къ намъ отношенія. Сосѣднія общества только силою оружія удерживаемыя въ зависимости, начали мало по малу отдѣляться отъ слабой ханши, а дружественныя ея сношенія съ русскими поселили въ нихъ еще болѣе къ ней ненависти, и съ тѣхъ поръ они искали всевозможныхъ случаевъ ослабить или совершенно уничтожить это, все еще грозное для нихъ ханство.

Гамзатъ-бекъ, наученный примѣромъ своего учителя, какъ трудно сражаться съ русскими, не осмѣливался явно дѣйствовать противъ нихъ, а устремилъ всѣ свои замыслы на покореніе Аваріи. Онъ сдѣлался предводителемъ враждебныхъ ей обществъ и въ 1834 году успѣлъ отторгнуть отъ нея нѣкоторыя изъ сильнѣйшихъ деревень и наконецъ обложилъ сильный и дотоѣ непреступный Хунзахъ, столицу Аваріи. Долго стоялъ онъ передъ стѣнами этого дѣйствительно крѣпкаго города, дѣлалъ нѣсколько приступовъ, отводилъ воду; но все было тщетно. Аварцы, предводительствуемые двумя храбрыми сыновьями престарѣлый уже ханши, дрались отчаянно, и

Гамзатъ-бекъ , не надѣясь одолѣть ихъ силою , прибѣгнулъ къ подлой азійской хитрости. Обманомъ , подъ видомъ переговоровъ , завлекъ онъ въ свой станъ аварскихъ князей Абу-нунцалъ-хана , Вулачъ-хана и Умма-хана , и , умертвивъ ихъ , внезапно бросился на изумленныхъ хунзахцевъ , овладѣлъ городомъ , умертвилъ ханшу , — и изъ всей этой большой семьи осталась въ живыхъ только жена Абу-нунцалъ хана , Гайбатъ-бике , бывшая беременною , которая впоследствии родила сына султанъ Ахметъ-хана , нынѣшняго наслѣдника аварскаго ханства. Это истребленіе ханской фамиліи происходило 13 августа 1834 года.

Насытившись кровью этого знаменитаго и древняго рода , Гамзатъ объявилъ себя ханомъ Аваріи ; но судьба недолго дозволила ему наслаждаться своими злодѣяніями. Противъ него составилъ заговоръ , и 19-го сентября того же года , во время большого магометанскаго праздника , когда Гамзатъ , какъ глава духовенства , вошелъ въ мечеть , жители Хунзаха — Османъ , молочный братъ , или *имчекъ* Абу-нунцалъ-хана и Гаджи муратъ , бросились на него , и Османъ убилъ его выстрѣломъ изъ пистолета. Съ нимъ погибла часть его приверженцевъ , а остальные бѣжали изъ Хунзаха и опустошали его окрестности.

Всѣ эти происшествія случились такъ скоро , что невозможно было отвратить имъ. Бывшій въ то время начальникомъ сѣвернаго Дагестана , полковникъ , нынѣ генералъ-лейтенантъ , Ключе-фонъ-Клюгенау былъ не въ состояніи съ находящимися въ его распоряженіи войсками оказать какое либо содѣйствіе аварцамъ и получилъ подкрѣпленіе уже послѣ этой кровавой катастрофы ; но , быстро двинувшись въ горы , онъ въ одни сутки спустился въ страшное Гимрійское ущелье , раззорилъ Гимры — это гнѣздо мюридовъ , и , возвратясь оттуда , пошелъ къ Аваріи , гдѣ взялъ штурмомъ неприступныя высоты Готцатля , наказалъ многія отторгнувшіяся отъ Аваріи деревни , привелъ ихъ въ прежнее повиновеніе и поставилъ правителемъ Аваріи Асланъ-хана казакумыкского , до совершеннѣйшаго спасеннаго наслѣдника ханства. На это лестное для горцевъ титуло было тогда много претендентовъ , связанныхъ родствомъ съ погибшей фамиліей : Асланъ , ханъ казикумыкскій — владѣтельный князь въ южномъ Дагестанѣ , Абу-муслимъ , братъ бывшаго шамхала тарковского , а нынѣ шамхалъ и мужъ Салтаветы Марлинскаго — дочери аварской ханши , и наконецъ ханъ мехтулинскій — молодой и храбрый владѣтельный князь въ сѣверномъ Дагестанѣ.

Экспедиція полковника Ключе-фонъ-Клюгенау , славившаяся мно-

гими подвигами этого кавказскаго вождя-героя, который такъ смѣло рѣшился повести горсть русскаго войска по малозвѣстнымъ намъ дотолѣ тропинкамъ, между страшныхъ ущелій и пропастей Леагистана, и вступить въ бой съ горцами въ самыхъ ихъ горахъ, въ ихъ крѣпкихъ аулахъ, — эта экспедиція возстановила только на время спокойствіе, но не уничтожила глубоко вкоренившейся секты мюридовъ — источника возмущеній той страны. Еще уцѣлѣлъ одинъ изъ друзей и учениковъ Кази-муллы, извѣстный впослѣдствіи Шамиль, который, ставъ начальникомъ секты, началъ привлекать на свою сторону деревни, потомъ цѣлыя общества: въ два года этотъ возмутитель дотога усилился, что сдѣлался опять опаснымъ для Аваріи и уже началъ свои враждебныя противъ нея дѣйствія.

Не допустить этого новаго возмутителя, Шамиля, овладѣть Аваріей было цѣлю описываемой мною экспедиціи 1837 года; но къ этому присоединились еще и другія намѣренія. Асланъ-ханъ умеръ въ 1836 году, и на мѣсто его былъ поставленъ правителемъ Аваріи Ахметъ, ханъ мехтулинскій. Хотя аварцы и не обнаруживали еще своей ненависти къ Ахметъ-хану, но онъ видѣлъ, что они ждутъ только къ тому случая, и, чувствуя себя не въ состояніи бороться съ одной своей дружиной противъ цѣлаго народа, ему очень желательно было имѣть силу, которая бы могла поддержать власть его: съ этимъ намѣреніемъ онъ предложилъ кавказскому начальству идею воспользоваться тогдашними обстоятельствами Аваріи — основать въ Хунзахѣ крѣпость и оставить тамъ русскій гарнизонъ. Съ перваго взгляда казалось, что Хунзахъ будетъ однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ для нашихъ военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ: полагали, что, укрѣпившись въ Хунзахѣ и снабдивъ его военными и съѣстными запасами, можно будетъ оттуда легко сдѣлать движенія во всѣ стороны къ разнымъ враждебнымъ племенамъ.

Отрядъ, назначенный для Аварской экспедиціи, собирался въ укрѣпленіе Темирханъ-шуру. Это укрѣпленіе, бывшее штабъ-квартирой сначала Куринскаго, а теперь Апшеронскаго пѣхотнаго полка, начато постройкою въ 1832 году — въ одной изъ прелестнѣйшихъ долинъ сѣвернаго Дагестана. Оно сновано на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ аулъ того же имени, — имени, которое напоминаетъ собою грознаго Тамерлана, такъ, какъ другой аулъ, находящійся не вдалекѣ, а нынѣ уже не существующій — *Чумкисъ-кентъ*, то есть деревня Чумкиса, или Чингиса (мѣсто смерти полковника Миклашевскаго), напоминаетъ другого монгольскаго завоевателя, Чингисъ-

зана. Быть можетъ, эти аулы и дѣйствительно обязаны имъ своимъ основаніемъ.

Мѣстоположеніе Темирханъ-шуры превосходно и въ военномъ и въ живописномъ отношеніи. Она расположена на высокомъ бугрѣ, выдавшемся среди ровной долины, который съ одной стороны голымъ перпендикулярнымъ утесомъ спускается къ текущей мимо его изъ горъ небольшой рѣчкѣ Узени, а прочими сторонами скатывается постепенно въ долину. На вершинѣ этого бугра, высоко выдававшаяся голою скалою, устроена батарея, повелѣвающая всю окрестностію, а пониже вокругъ нея расположено укрѣпленіе. Церковь, казармы, госпиталь, магазинъ, дома начальника и офицеровъ, построенные изъ дикаго камня и выштукатуренные, даютъ прекрасный видъ этому укрѣпленію, ярко бѣлѣющему среди окружающей его почти вѣчной зелени. Поодаль отъ него устроенъ форштатъ, гдѣ живутъ семейные солдаты и офицеры. Домики небольшіе, большею частію турлучные, то есть сдѣланные изъ торчeveго плетня, обмазаннаго глиною, съ плоскою крышею, но чистенькіе и красивенькіе, что даетъ этому форштату видъ городка гораздо лучше иныхъ уфадныхъ. Строитель этого укрѣпленія генералъ Клюге-фонъ-Клюгенау старался околько возможно болѣе доставить удобствъ жизни для лишенныхъ всякихъ общественныхъ удовольствій кавказскихъ вояковъ, и своею щедростію и любезностію онъ сдѣлалъ жизнь нашу очень пріятною въ этомъ пустынномъ мѣстѣ; за тридцать земель отъ родины, среди дикихъ и враждебныхъ намъ племенъ. Тамъ у насъ были и собранія, и балы, и вистъ, и бильярдъ, и даже театръ. Я увѣренъ, что кто только вспомнитъ этотъ періодъ времени въ Темирханъ-шурѣ, тотъ душевно поблагодаритъ того, кто умѣлъ быть такъ попечительнымъ и внимательнымъ.

Недалеко отъ укрѣпленія находится озеро, имѣющее версты четыре въ окружности. Вода въ немъ соленая и негодная для употребленія, но очень здоровая для купанья и цѣлительная въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Зеркальная поверхность озера очень много придаетъ красоты мѣстоположенію Темирханъ-шуры. Возлѣ крѣпости ярко бѣлѣется надгробный памятникъ капитана генеральнаго штаба Богдановича, убитаго въ Гирахъ въ 1832 году.

Съ мѣсяцъ уже войска стояли около этого укрѣпленія, въ ожиданіи предстоящаго, и слова «походъ въ Аварію» безпрестанно были на языкѣ и сердцѣ каждаго. Каждому хотѣлось напередъ знать хоть что нибудь объ этой странѣ: хотѣлось знать, какія трудности насъ ожидаютъ, съ какимъ непріятелемъ будемъ мы сражаться. Иной распрашивалъ о жителяхъ, другой — о климатѣ, третій — о Шамилѣ и отчаянныхъ мюридахъ, четвертый — о